

Жители семьи Цзян также кивали головой в знак согласия, хотя и немного волновались, но как бы это сказать, радость перевешивала заслуги, не так ли? В конце концов, Чжун Цянь Цянь вскоре должна была стать дочерью первоклассного дворянства, и их тоже собирались модернизировать.

То, что было в их сердцах, Чжун Куйджун ясно знал.

Для этой семьи Чжун Куйджун уже был отвратителен и ненавидим до смерти, поэтому, когда его собственная жизнь была в опасности, у него не было элементарной привязанности к этой группе людей.

Он кивнул: "Ну, я надеюсь, что вы, ребята, сможете сделать то, что скажете. В конце концов, после входа, до конца испытания, будет максимум два-три месяца, с этого момента и до конца вашей деятельности. Если вы даже не вышли к тому дню, когда я под трибунал, то вы не должны винить меня в жестокости и игнорировании 20 лет семейных связей".

Теперь все лица членов семьи Цзян пугающе изменились.

Старая миссис Цзян была первой, кто разозлился.

"Чжун Куйджун", это человеческий язык, о котором ты говоришь? Если бы вы вошли, мы, как ваша семья, все ушли бы с пути, чтобы помочь вам и найти способ вытащить вас, потому что это то, что мы должны были сделать. Но что это была за херня, которую ты только что сказал? Что ты имеешь в виду, не обращая внимания на 20 лет семьи? Что ты делаешь?"

"Это просто, если я не могу выйти, не могу стоять в солнечном свете праведно, и продолжаю быть генеральным директором, стоящим за "Группой Облаков", я расскажу правду о том, когда вы убили Пу Юя, а затем заставили Нуань Нуана и Чжун Цянь Цяня поменять костный мозг". Если я буду приговорен к смертной казни, то и вы, ребята, тоже будете приговорены ко мне".

"Как ты мог это сделать?" Сун Ван Конг закричал.

"Разве Цянь Цянь не твоя дочь? Если мы не спасем тебя, ты причинишь нам вред. Тогда почему ты не сказал Чжун Нуань Нуань, что тебя посадят? Разве она не была твоей любимой дочерью? Ты позволил ей прийти тебе на помощь! Почему ты не сказал, что собираешься причинить ей боль? Чжун Куйджун, почему ты такой предвзятый?"

Чжун Куйджун чихнул: "Хе, я предвзят? Если бы я был действительно предвзятым, я бы не согласился позволить вам использовать костный мозг Нуань Нуань, чтобы спасти Чжун Цянь Цянь! Цзян Шу Ван, ты и твоя семья Цзян должны понять одну вещь - будь то Пу-Ю или Нуань Нуань, мы должны им. Но для тебя ты должен мне! У меня была бы любящая семья, жена, которую я любил, и любовь, которую мы вместе воспитывали. Из-за вас, ребята, я все потерял. Теперь, когда я сяду в тюрьму, или мне грозит смертная казнь, почему я должен выпустить вас, ребята, чтобы вы наслаждались своей жизнью?"

На этот раз старушка Цзян была поистине в восторге, прикрывая свое сердце и говоря затаив дыхание.

"Чжун Куйджун", это человеческий язык, о котором ты говоришь? Когда умерли твои родители, если бы мы тебя не взяли, ты бы повзрослел, чтобы сегодня жить такой замечательной жизнью? До того, как ты нашел эту сучку, разве ты не женился на нашей Ван Ван Ван сначала? Ты уже женатый мужчина, и ты бросаешь Ван Ван и женишься на ней только потому, что эта женщина благородна и лучше выглядит, чем Ван Ван, ты думаешь, это все наша вина? Теперь ты сам совершаешь преступление и пытаешься затащить нас, твою жену и дочь, вниз с тобой! Просто волки, собаки и свиньи даже не начинают описывать вашу порочность!".

Когда Чжун Куйджун был отруган, он не только совсем не злился, но и смеялся и повторял: "Да, если бы я не был волчьим сердцем, я бы не стал сотрудничать с вами, чтобы убить женщину, которую я любил больше всех тогда".

<http://tl.rulate.ru/book/41096/1026762>